

EDN: ZVRZQW
УДК 821.111

National Images in S. Maugham's *on a Chinese Screen*

Liliya F. Khabibullina and Zulfia R. Zinnatullina*

Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

Received 01.04.2024, received in revised form 20.01.2025, accepted 18.02.2025

Abstract. The article is devoted to the analysis of an English writer Somerset Maugham's collection of essays *On a Chinese Screen* (1922). The action takes place in China. The Chinese Screen is associated with the opposition of the West and the East and separation of these worlds. The world of the East, in this case, China, is depicted as a civilization with a centuries-old history. But today it has completely lost its former greatness and has been turned into a secondary one. The space of China is characterized by "exclusion" from the flow of time. It is contrasted with this world of the West, represented mainly by characters who are carriers of Western values. Thus, the images of the English colonialists are deliberately clichéd. Moreover, social issues are considered as a part of Western world. The British strive to respect class principles even while abroad. A special place in the collection *On a Chinese Screen* is occupied by images of English women. They are mostly depicted as outwardly unattractive but morally upstanding women. In this regard, they are contrasted with the French, who, on the contrary, are outwardly attractive, but immoral. The French are generally portrayed as rivals of the English. In this case Maugham remains faithful to those stereotypes that were popular in English culture back in the 19th century. Americans are also ambiguous in the collection. On the one hand, they are not endowed with negative qualities; on the other hand, there are critics of their desire to subjugate them. A special group is represented by supranational types. They are bearers of higher, timeless values, and are devoid of the national stereotyping that Maugham endows other characters with.

Keywords: English literature, Somerset Maugham, *On a Chinese Screen*, national images.

The article was prepared with the support of the Tatarstan Academy of Sciences, project provided to young Candidates of Sciences (Postdoctoral Students) for doctoral dissertation defense, scientific researches, and also performing work functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan "Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan".

Research area: Theory and History of Culture and Art; World Literature.

Citation: Khabibullina L. F., Zinnatullina Z. R. National Images in S. Maugham's *on a Chinese Screen*. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(3), 640–648. EDN: ZVRZQW

Национальные образы в сборнике эссе С. Моэма «На китайской ширме»

Л.Ф. Хабибуллина, З.Р. Зиннатуллина

*Казанский федеральный университет
Российская Федерация, Казань*

Аннотация. Статья посвящена анализу сборника очерков английского писателя начала XX века Сомерсета Моэма «На китайской ширме» (*On a Chinese Screen*, 1922). Действие происходит в Китае, и главный образ, связанный с противопоставлением Запада и Востока, образ тонкого предмета (ширма), разделяющего эти миры. Мир Востока, в данном случае Китая, изображен как цивилизация с многовековой историей, однако лишенная на сегодняшний день былого величия и превращенная во второстепенную. Пространство Китая характеризуется «выключенностью» из потока времени. Противопоставляется этому миру Запад, представленный в основном персонажами, являющимися носителями западных ценностей. Так, образы английских колонизаторов нарочито клишированы. Кроме того, вместе с ними в произведение входит социальная проблематика, так как даже находясь за пределами Англии, граждане этой страны стремятся соблюдать сословные принципы. Особое место в сборнике «На китайской ширме» занимают образы английских женщин, которые в основном представлены хоть внешне и непривлекательными, но обладающими нравственными достоинствами. В этом плане они противопоставляются француженкам, которые внешне выигрывают у первых, однако проигрывают в моральном плане. Французы в целом изображаются как соперники англичан, здесь Моэм остается верен тем стереотипам, которые были популярны в английской культуре еще в XIX веке. Неоднозначными показаны в сборнике и американцы, которые, с одной стороны, не наделяются отрицательными качествами, с другой стороны, присутствует критика их стремления подчинить себе других. Особую группу представляют наднациональные типы, являющиеся носителями высших, вневременных ценностей и лишенные той национальной стереотипизации, которой Моэм наделяет других персонажей.

Ключевые слова: английская литература, Сомерсет Моэм, «На китайской ширме», национальные образы.

Статья подготовлена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология); 5.9.2. Литературы народов мира.

Цитирование: Хабибуллина Л. Ф., Зиннатуллина З. Р. Национальные образы в сборнике эссе С. Моэма «На китайской ширме». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2025, 18(3), 640–648. EDN: ZVRZQW

Введение

Колониальная литература, которая сложилась в Англии на рубеже XIX–XX веков, предоставляет уникальную возможность для авторов рассмотреть представителя национального «мы» на чуждой ему территории, «вывести» соотечественника за пределы привычной среды и выявить черты национального характера, которые уже вполне сложились и описаны в английской литературе к концу XIX века, в ином освещении, «столкнув» их с представителями других наций и рас. Пальма первенства здесь принадлежит произведениям Р. Киплинга и Р. Хаггарда, но в литературе «действия» психологическим характеристикам не уделялось столько внимания, сколько в творчестве пришедших им на смену С. Моэма и Э. Форстера (Khabibullina 2019: 227–248).

Постановка проблемы

С течением времени понимание значения произведений этих авторов с точки зрения интересующей нас, в том числе имагологической проблематики, лишь растет, о чем свидетельствует количество научных работ (Polovtsev, 2006, Purgina, 2008, Sedova, 2015, Selitrina, 2008). Здесь мы обратимся к сборнику очерков С. Моэма «На китайской ширме» (*On a Chinese Screen*, 1922), место действия которого определено в названии. Если роману «Узорный покров» (*The Painted Veil*, 1925), который также связан с Китаем, уделялось достаточное внимание литературоведов, в том числе отечественных (Brekhova, 2010, Epshtein, 2021 и др.), то этот многотомный и непростой по идеологии и структуре сборник такого внимания не привлек. Мы лишь отчасти рассмотрели некоторые аспекты этого сборника в одной из статей (Khabibullina, 2012). Имагологический анализ мы здесь соотнесем с рассмотрением пространственного образа Китая, так как, на наш взгляд, именно функционирование в «чужом» про-

странстве выявляет специфику национального образа так, как это не было сделано до С. Моэма.

Обсуждение

Пространство Востока в сборнике

Ключевым символическим образом в сборнике, как и в романе «Узорный покров», становится образ некоего тонкого слоя, разграничивающего два противопоставленных мира – Запад и Восток. Если в первом случае это была китайская ширма, то во втором – разрисованная вуаль. В обоих случаях этот символ разграничения покрыт неким узором, который можно воспринимать как узор из предрассудков и предубеждений. Образ китайской ширмы получает сюжетное обоснование в эссе «Гостиная миледи», где героиня покупает небольшой китайский храм и превращает его в английскую гостиную. Здесь задается идеология сборника Моэма, где китайская ширма становится символом превращения старинной и богатой культуры в придаток империи с гораздо более скромной историей и культурой, более бытовым мировосприятием, статус великой империи снижается до роли английской провинции, а китайская ширма из произведения искусства превращается в атрибут английского провинциального интерьера, созданного на месте памятника культуры: «Разумеется, на лондонскую гостиную это не очень похоже, – сказала она. – Но такая гостиная вполне может быть в каком-нибудь милом английском городке» (Моем, 2010: 9–10). Кроме того, она символизирует и отношение колонистов к стране, которую они не принимают в глубине души и стремятся превратить в часть Англии: «Ей понадобилась ширма и ничего не попишешь, пришлось купить китайскую, однако, как она остроумно заметила, ведь и в Англии вполне можно поставить у себя китайскую ширму» (Моем, 2010: 9).

Идея тонкой и гибкой перегородки между двумя мирами задается и заглавием первого эссе «Занавес поднимается». Читатель вследствие этого ставится в положение наблюдателя, который по определению не сможет проникнуть в тайну Востока, воплощенную в образе пекинской повозки с занавешенным окном. Способ восприятия этого мира предложен автором через предположения о тех, кто может находиться в повозке – это ученый, обладающий бесполезным теперь, но драгоценным знанием о прошлом, символ ушедшей великой цивилизации, или «певица в роскошных шелках, в богато вышитой кофте, с нефритовыми булавками в черных волосах» (Моем, 2010: 7), символизирующая декоративную красоту Востока.

Для структуры произведения характерен ряд закономерностей: оно делится на небольшие эссе, неоднородные по своей жанровой сути. В нем чередуются чисто эссеистические наброски, представляющие собой преимущественно картины природы Китая, социальные портреты, характеризующие в основном представителей империи («Вице-консул»), или обобщенные портреты китайцев («Юноша», «Старуха») и небольшие сюжетные истории, построенные по новеллистическому принципу, то есть содержащие неожиданную развязку.

Одним из ключевых приемов построения сборника становится дублирование образов и идей, структурирующее идеологию произведения и придающее ему единство. Важную композиционную роль играют зарисовки природы и городов Китая («Занавес поднимается», «Рассвет», «Дорога», «Арабеска», «Сумерки», «Город, построенный на скале»); их дополняют своего рода лирические отступления, когда природа Китая становится лишь поводом для автора, чтоб развернуть лирическое размышление, имеющее универсальный характер и в большей или меньшей степени объединяющее через сознание путешественника два противоположных мира («Романтика», «Дождь», «Равнина», отчасти это есть и в эссе «Рассвет»). В некоторых эссе даются зарисовки, связанные

с социальной жизнью, и в них также чаще всего преобладает образ европейского наблюдателя – автора, создающего либо типичную зарисовку путешествия («Гостиница»), либо дискутирующего с расхожими представлениями европейцев о жизни на Востоке («Опиумный притон»).

Дополняют образ вневременного, вечного Китая, находящегося за пределами видимого «узора», за пеленой поверхностного мышления, эссе также описательного характера, рисующие универсальные человеческие типы («Монгольский вождь», «Картина», «Юноша», «Метампсихоза» (человек со свинкой), «Возлияние богам» (образ старухи)), находящиеся за пределами китайской нищеты и неравенства, воплощаемых чаще всего в образах кули («Вьючный скот», «Песнь реки» и др.) и восточной декоративности («Обломок», «Вопрос»), подменяющей в глазах европейца подлинную глубину древней культуры.

Внутренняя перекличка части очерков более очевидна, чем в других. Так, тема смерти, значимая для раскрытия идеи произведения, объединяет эссе «Дорога», «Город, построенный на скале». Здесь восприятие Китая как мертвой, ушедшей в прошлое культуры тесно увязывается с мыслью о ее чуждости европейцу: «Но все эти люди чужды вам, как вы чужды им. У вас нет ключа к их тайне. Ибо хотя довольно во многом они с вами схожи, это вам не помогает, а, наоборот, подчеркивает различия, разделяющие вас» (Моем, 2010: 220). Тема возрождения связывается автором с Западом, но не с политическим и экономическим присутствием Англии в Китае («Столовая»), а с добротой и духовностью, присущей самоотверженным католическим монахиням, противопоставляющим универсальную христианскую доброту древней жестокости Китая, где одна из традиций – умерщвление младенцев в специальном месте на кладбище «Башне младенцев» («Городские достопримечательности»). Заплатив по 20 центов за каждого, монахини принимают их в приют, возвращая к жизни уже в новой традиции, прививая новые ценности.

Образы Запада в сборнике

Англия, в отличие от универсально-вечного, находящегося за пределами жизни и смерти Китая, представлена прежде всего в социальном плане, соответственно, преимущественно через персонажей. Эссе, посвященные колонистам, можно разделить на два типа: социальные портреты и сюжеты, характеризующие образ жизни колонистов. В этих эссе Моэм подробно останавливается на общей для большинства англичан точке зрения на Китай: «они все лгуны, ненадежны, жестоки и нечистоплотны, однако на Востоке брезжит слабый свет» (Моэм, 2010: 43), которую сам обозначает как позицию «недоверия и неприязни, подкрашенную оптимизмом» (Моэм, 2010: 43). В портретах демонстрируется разнообразие вариантов сходных во многом жизненных ситуаций людей, живущих вдалеке от родины без надежды вернуться.

Образы англичан социально типизированы, большинство из них четко соответствуют сословию и придерживаются манеры одеваться, образа мыслей, образа жизни джентльмена («Высокий стиль») или социалиста («Хендерсон»), причем в обоих случаях с чисто английским педантизмом: «Все в нем соответствовало стандарту, от добротных тупоносых сапог до довольно длинных растрепанных волос» (Моэм, 2010: 57). Формальное следование англичан сословным различиям становится предметом авторской иронии в эссе «Шкипер», герой которого, проведший всю жизнь в море, отказывается считать себя трудящимся на основании того, что учился в Харроу (Моэм, 2010: 154). Тем не менее и сам автор сборника разделяет идею о значимости сословного деления, предлагая пространное размышление о месте джентльмена в современном ему мире («Высокий стиль») и иронически рассуждая о демократии («Демократия»), утверждая, что в английском обществе основным критерием деления на сословия является запах: «Ежедневная ванна обеспечивает классовую замкнутость куда эффективнее крови, богатства, или образования» (Моэм, 2010: 131). Если вспомнить об эссе «На окраине империи»,

посвященном пребыванию англичан в Борнео, можно говорить о том, что в произведениях С. Моэма в целом утверждается мысль о значимости тех ценностей, которые даются «джентльменским» кодексом, и за пределами Британии. Принадлежность к «низкому» классу, отсутствие должного воспитания чаще всего приводит и к определению жизни за пределами страны как недолгой, несостоятельной. Такая несостоятельность проявляется в бытовых деталях, которые становятся маркерами принадлежности к сословию: речь, манера одеваться, принимать пищу, ежедневная ванна. Эта значимость повседневно-бытового в жизни англичанина подчеркивается практически в каждом эссе и утверждается и на авторском уровне через более подробные характеристики бытовых условий жизни колонистов («Столовая»), и на уровне сюжетов, в которых чаще всего предметом изображения становятся бытовые ситуации из жизни колонии. Например, в эссе «Консул» описывается нетипичная ситуация брака между китайцем и англичанкой (из низшего класса). Англичанка поверяет консулу все свои домашние проблемы, но отказывается покинуть китайского мужа, что совершенно лишает консула душевного равновесия. «Домашняя» атмосфера английских представительства в Китае и других странах является отличительной чертой колониальной прозы и акцентирует «провинциальный» тип существования англичан за границей.

Принцип контраста преобладает и в изображении англичан. Так, в эссе «Хендерсон» это контраст между социалистическими убеждениями центрального персонажа и его колонизаторским образом жизни: «Видите ли, мы здесь только потому, что они нас боятся. Мы – господствующая раса» (Моэм, 2010: 59). В эссе «Страх» рисуется образ миссионера, который, внешне демонстрируя лояльность по отношению к Китаю («Он подробно остановился на добром характере китайцев, на их почитании родителей и любви к своим детям» (Моэм, 2010: 43)), в глубине души испытывает отвращение к своей участи миссионера и стране, в которой находится: «Он

ненавидел китайцев ненавистью, по сравнению с которой неприязнь его жены была пустяком» (Моем, 2010: 45). Интересно, что сопоставляя миссионера «джентльмена» с его женой «не леди», вульгарной женщиной, Моэм подчеркивает, что более тонкая душевная организация мужа лишь усиливает его тоску по тому, что для англичанина его класса составляет нормальную жизнь: «любимая работа, приятное общество, книги, каникулярные поездки во Францию и Италию» (Моем, 2010: 45), и заставляет, с одной стороны, глубже прятать свои страдания, с другой – усиливает их, приводя к тому самому стоическому и часто трагикомическому типу жизнеустройства, который характеризует национальный кодекс англичанина: «Он, бесспорно, старался держаться любезно, но за всем этим пряталось усилие» (Моем, 2010: 42). Ненависть к «чужому» может проявляться не сразу, так, в эссе «Тайпан» приверженность родине, где у героя никого не осталось, проявляется лишь с появлением мыслей о смерти и страхом умереть на чужбине.

Существенны в части построения модели национального поведения эссе, посвященные английским женщинам, в отношении которых сословные ценности уступают место нравственным. Частотными персонажами эссе становятся некрасивые английские старые девы и столь же малопривлекательные матери семейства, правда, практически все образы содержат внутренний контраст, так как за наружностью они скрывают важные душевные достоинства. Так, героиня эссе «В стенах посольства», о которой говорят, что она шпионка, единственная, кто всегда положительно отзывалась о местном населении (Моем, 2010: 23). «Парным» для нее типом является англичанка из эссе «Последний шанс». Иронически описывая женщину, приехавшую в Китай, чтобы выйти замуж, ее стремление угодить вкусам всех возможных претендентов, автор неожиданно заключает: «Она была доброй и покладистой, и любой из этих мужчин, и молодых, и старых, нашел бы в ней прекрасную жену» (Моем, 2010: 54). Эти качества ан-

глийской женщины ставятся выше внешней привлекательности и глубокого ума (в эссе «Миссионерша» Моэм иронизирует по поводу стереотипности мышления немолодой англичанки, демонстрируя, что своеобразие ума не относится к числу национальных достоинств женщин) и, по существу, становятся основой построения национального женского типа в этом сборнике. Английские матери семейств при всей своей внешней безупречности являются единственной опорой своих мужей («Страх», «Фаннинги»): «И вскоре вы обнаруживали, что фокусом безоблачной гармонии была эта маленькая смешная некрасивая женщина» (Моем, 2010: 118), демонстрируя любовь и самоотверженность, характерные для английского идеала семейной женщины, сформированного к концу XIX века: «С минуты пробуждения и до отхода ко сну все ее мысли были заняты удобством и благополучием трех мужчин, оказавшихся у нее под крылом. Ее изобретательный ум строил план за планом, как сделать их счастливыми. Мне кажется, мысль о себе даже не мелькала в ее растрепанной голове» (Моем, 2010: 118). Такая самоотверженность, присущая практически всем положительным образам англичанок, контрастирующая с внешним блеском француженок, становится одной из важных опор жизни колонизаторов вдали от родины.

Образ Запада дополняется и другими национальными типами. Здесь Моэм в целом придерживается сложившихся в английской культуре представлений, даже когда иронически дистанцируется от них. Так, на мнимом разоблачении стереотипа строится эссе, посвященное излюбленному английскому «сопернику» – образу француза. Здесь также можно говорить о «парности» эссе «Представитель Ее Британского Величества» и «Вопрос чести». Парность их обусловлена, во-первых, тем, что и то и другое построено на внутреннем контрасте, а во-вторых, тем, что контраст этот строится на имитации разрушения национального стереотипа, но на деле оборачивается его утверждением в качестве

вновь доказанной истины. Так, герой первой новеллы получает резко отрицательную характеристику: «Официальность он довел до совершенства. <...> Короче говоря, это был самодовольный, раздражительный, чванный и нудный человек» (Моем, 2010: 49–50). Однако далее в рассказе описывается как он, рискуя жизнью, защищает трех бедняков-носильщиков от расстрела: «Это же военнопленные, убивать их – неслыханное варварство» (Моем, 2010: 50). Вывод также парадоксален и утверждает имперскую идею: «Странные они люди, британцы. Будь их манеры так же хороши, как велико их мужество, они бы заслуживали мнения, которого придерживаются о себе» (Моем, 2010: 51). Здесь дистанцирование от своей нации («они») только подчеркивает значимость высказывания, так как направлено на акцентирование объективности автора. Мнимая дегероизация имперской миссии героя оборачивается ее героизацией, а система ценностей, на которой основывалась Британская империя, признается универсальной. Второе эссе имитирует реабилитацию французской нации: «Ни один народ не страдал от выдумок своих соседей более французов» (Моем, 2010: 63) и утверждение ее положительных черт: «Почему-то никто не хотел замечать, что в основе французского характера лежит глубокая серьезность, и что главную заботу среднего француза составляет поддержание собственного достоинства» (Моем, 2010: 64). Внутренняя противоречивость описываемой ситуации задается противоречием во внешности главного героя, маркиза де Стеенворде, внушительный торс которого не соответствует коротким ногам (Моем, 2010: 65). Далее контраст внешности доводится до абсурда в описании жизни персонажа: «И будучи рогоносцем, оставался истинным аристократом. Едва мадам де Стеенворде заводила нового любовника, как он требовал с ее родителей сумму, достаточную для возмещения ущерба, причиненного родовому имени и чести» (Моем, 2010: 67–68). Так, «разрушая» один стереотип, который менее обиден для традиционных европейских «соперников» англичан,

в том числе и на территории Китая, автор реконструирует гораздо более разрушительные для репутации и национальной гордости французов стереотипы, касающиеся алчности французов и развратности французских женщин, которая делает оскорбительную ситуацию адюльтера обиденной частью жизни французского мужа, и превращает столь щепетильный «вопрос чести» в фарс.

Американцы, являющиеся героями эссе «Мираж» и «Адвентист седьмого дня» показаны как носители типично американских черт, которые в сборнике Моэма характеризуют весь западный мир: они не интересуются Китаем, где живут, не учат язык (или учат, но по обязанности), скучают, читают только американские газеты и журналы. Они иронически описываются как неплохие люди, пока не ставится под сомнение их право «решать все за всех» (Моем, 2010: 134).

В эссе, характеризующих образ жизни, принцип дублирования единственный раз акцентируется объединением под одним названием двух сцен («Званные обеды»: 1. В Стенах посольства. 2. В открытом порту). Здесь Моэм дает прямые характеристики западному сообществу, представители которого являют собой узнаваемые национальные типы. Так, секретарь английского посольства «восхищался только музыкой, достойной восхищения, и картины ему нравились, только достойные нравиться» (Моем, 2010: 23). Моэм дает этому сообществу уничтожающие характеристики, связанные с их отношением к остальному миру: «В целом же для них не составляло существенной разницы, в какой столице оказаться, поскольку существование они вели совершенно одинаковое и в Константинополе, и в Берне, и в Стокгольме, и в Пекине» (Моем, 2010: 22). «Китай всем смертельно надоел, и говорить о нем они не хотели, да и знали ровно столько, сколько им требовалось для ведения своих дел, а на того, кто учил китайский язык, смотрели с подозрением» (Моем, 2010: 25) «Все они надоели друг другу до смерти» (Моем, 2010: 25). Эти неоднократные указания

на сосредоточенность европейцев на себе, нежелание узнавать «другого» не дают надежды на преодоление границы между Западом и Востоком и, собственно, обеспечивают ощущение «провинциальности» английской жизни вдали от центра империи, где происходит «настоящая» жизнь.

В то же время некоторые эссе сборника представляют своего рода «переходные» типы – тех, кто, находясь на стыке культур, утрачивает национальные черты и приобретает черты другой нации, что проявляется в подчас комическом смешении манеры одеваться, восприятию элементов другой культуры, но не дает глубокого понимания «чужого» при определенной утрате «своего». Эта ситуация задается уже образом китайской ширмы и развивается в эссе «Перекапи поле» и «Министр». В первом обыгрывается типичная для англичан страсть к путешествиям. Герой эссе переодевается в китайскую одежду, ест китайскую пищу и путешествует по стране, узнавая о ней больше, чем кто бы то ни было из европейцев, однако это не привело к познанию Востока: «Статьи напоминали каталог фирм, торгующих по почте: для человека с воображением они были залежами золота, то есть сырьем для литературы, а не самой литературой» (Моем, 2010: 14). Герой второй зарисовки, китайский министр, одетый в китайскую одежду и английский котелок, также символизирует смешение двух культур без реального взаимопроникновения, об этом же говорит и интерьер его дома (Моем, 2010: 16). Его искренняя любовь к древнему китайскому искусству контрастирует с его ролью в жизни страны: «Он был бесчестным, жестоким, мстительным и алчным. И, бесспорно, вложил свою лепту в доведение Китая до состояния, которое столь искренне оплакивал» (Моем, 2010: 19). Два эти образа в начале сборника компрометируют идею посредничества и возможности соединения культур. На более высоком культурном уровне скепсис автора относительно идеи взаимопроникновения менее очевиден. Это проявляется в еще двух «парных» эссе «Философ» и «Синолог». Китайский философ в эссе Моэма,

находящийся под влиянием немецкой философии, утверждает значение старых китайских ценностей (носит косу), демонстрирует высокую образованность, тем не менее компрометируется через указание на его пристрастие к посещению распутных женщин и странное стихотворение, написанное им. Демонстрируя всевозможное почтение к его образованности и лояльность в отношении его склонностей, рассказчик использует типично английский оборот для описания своего неодобрения в отношении его мировоззрения, не соответствующего английским представлениям о нравственности: «прочитав их (*стихи, посвященные красоте юности*), я был – вероятно, без малейшего на то основания – крайне изумлен» (Моем, 2010: 146). Напротив, англичанин-синолог проявляет наилучшие знания во всем, что касается Китая, но оказывается чужд жизни: «Смех робких китайских девушек волнует его кровь лишь в совершенных строках изысканного четверостишия» (Моем, 2010: 211). В целом же люди культуры, хотя и демонстрируют наднациональные черты, являются также предметом авторской иронии, так как, уходя от своих «устаревших» форм, приходят к чужим, таким же («Знаток драматургии»), не в состоянии оценить их место в «чужой» культуре. Таким образом, культурный обмен также не может быть средством преодоления пропасти между двумя мирами.

Следующей группой персонажей, которых можно выделить в сборнике, становятся наднациональные типы. Они чаще всего священнослужители («Служители Божьи», «Монахиня»), воплощающие высшие ценности. Для Моэма это христианские принципы милосердия, а также «подлинная добродетельность» и «смирение» (Моем, 2010: 27). Здесь национальные характеры представлены в своих лучших и высших проявлениях, а различия лишь подчеркивают наднациональную общность: «Хотя он (*представитель англиканской церкви*) не мог, как старик француз, говорить с вами от имени Церкви, никогда не допускавшей сомнений, или с пламенной убедительностью аскета, он разделил бы ваше горе с ис-

крней симпатий, утешил бы вас своей нерешительной мягкостью – не столько слугитель Бога, сколько такой же, как вы, робкий и неуверенный в себе человек, ищущий поделиться с вами надеждой и утешением, укрепляющими его собственную душу, – так что и в нем вы могли обрести опору, пусть иную, но по-своему ничуть не хуже» (Моем, 2010: 30). В отличие от представителей Запада, несущих светские обязанности, работники миссий признаются в любви к китайцам (Моем, 2010: 31, 55), но любовь эта мотивируется опять же европейской «терпимостью» к «другому»: «Не следует ждать от людей большего, чем они способны дать» (Моем, 2010: 56). Однако наднациональность этих типов утверждает только общность европейских духовных ценностей, не преодолевая оппозиции Запад-Восток (такая попытка отчасти предпринимается только в последнем эссе). Авторское лирическое размышление, объединяющее через субъективное переживание картины китайской и европейской природы («Но дорога поворачивает, и – Бог мой! – бамбук, китайский бамбук волшебством тумана преображается в кентские хмельни-

ки» (Моем, 2010: 63)), также не становится основой для идеи о возможности подлинного взаимодействия двух миров.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что Моэм в своих эссе посредством тонкого психологического анализа демонстрирует многообразие проявлений национальных типов, способов взаимопроникновения культур в каждом конкретном образе, уходит от стереотипизации национального характера как «своего», так и «другого». В то же время он остается верен основным, базовым для колониальной культуры представлениям: иронизируя над англичанами, он все же признает их преимущество перед другими представителями Запада, как и Р. Киплинг, и другие колониальные авторы, он верит в пагубность проникновения инокультурного, инационального в «тело» нации, в ее основу. Наднациональные культурные и религиозные основы для общности с «другим» признаются автором, но до определенных пределов, переходить которые, разрывая «невидимые покровы», не следует.

Список литературы / References

- Brekhova T. V. Vremennaya organizatsiya povestvovaniya v romane U. S. Moema «Uzornyy pokrov». In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2010, 3(1), 33–41.
- Epshcheyn O. V. . Slovesnyy portret personazha Kitti Feyn v romane S. Moema «Uzornyy pokrov». In: *Voprosy sovremennoy filologii v kontekste vzaimodeystviya yazykov i kul'tur. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 2021, 201–205.
- Khabibullina L. F., Breeva T. N. *Natsional'nyy mif v khudozhestvennoy literature*. M., Flinta, 2019, 500.
- Khabibullina L. F. «Kitayskaya» tema v proizvedeniyakh S. Moema «Na kitayskoy shirme» i «Uzornyy pokrov». In: *Evrasiystvo i problemy sovremennoy nauki*. Kazan', 2012, 230–236.
- Moem S. *Na kitayskoy shirme*. M., AST, 2010. 222.
- Moem S. *Uzornyy pokrov*. M., AST, KHRANITEL', 2007. 285.
- Polovtsev D. «Drugoy» v romane E. M. Forstera «Poezdka v Indiyu». In: *Amerikanskie issledovaniya*, Minsk: Propilei, 2006, 212–219.
- Purgina E. S. *Kontseptsiya angliyskogo natsional'nogo kharaktera v romanakh E. M. Forstera*. Ekaterinburg, 2008. 22.
- Sedova E. S. Ekzoticheskaya p'esa U. S. Moema «K Vostoku ot Suetsa»: problema natsional'nogo kharaktera. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2015, 2(2), 214–217.
- Selitrina T. L. Russkaya tema v romane S. Moema «Rozhdestvenskie kanikuly». In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2008, 1(1), 78–85.